

Mélanges asiatiques
tirés du
Bulletin de l'Académie Impériale des sciences
de
St. - Pétersbourg.

Tome XIV.
(1909 - 1910).

St. - Pétersbourg, 1910.

Извѣстія Императорской Академіи Наукъ. — 1909.
 (Bulletin de l'Académie Impériale des Sciences de St.-Petersbourg).

**Нефритовая кинжальная рукоять съ армянскою
надписью.**

Г. А. Орбели.

(Представлено въ засѣданіи Историко-Филологическаго Отдѣленія 28 января 1909 г.).

Лѣтомъ 1908 года, во время пребыванія моего въ Тифлисъ, помощникъ директора Кавказскаго Музея д-ръ Р. Г. Шмидтъ показалъ мнѣ двѣ хранящіяся въ этнографическомъ отдѣлѣ Музея рукояти отъ холоднаго оружія. По словамъ Р. Г. Шмидта оба эти предмета были одновременно въ 1866 г. приобретены еще покойнымъ директоромъ д-ромъ Радде за десять рублей¹⁾. Лишь очень недавно, уже при новомъ составѣ дирекціи, вещи были очищены, и только тутъ обнаружилось ихъ художественное достоинство. Меня главнымъ образомъ заинтересовалъ одинъ экземпляръ, помѣченный № 851 (рис. 1), къ описанію котораго я и перехожу.

На подвѣшенномъ къ нему билетикѣ значится: «нефритовый эфесъ для шпаги съ армянскими буквами».

Рукоять сдѣлана изъ совершенно темнозеленаго, почти чернаго, мелкозернистаго нефрита²⁾; матеріалъ настолько плотный, что весь представляется однороднымъ. Впрочемъ, на одной изъ плоскихъ сторонъ, ближе къ

1) Соответствующая выписка изъ инвентаря Музея прислана мнѣ Р. Г. Шмидтомъ въ письмѣ отъ 17. XI. 1908 г. Приношу глубокую благодарность д-ру Р. Г. Шмидту какъ за это, такъ за предоставленіе мнѣ возможности работать въ Кавказскомъ Музеѣ. Пользуюсь случаемъ выразить здѣсь искреннюю признательность Я. И. Смирнову, отъ котораго я получилъ указанія по литературѣ предмета и благодаря которому я пользовался различными цѣнными изданіями изъ библіотеки Императорскаго Эрмитажа.

2) Въ опредѣленіи матеріала полагаюсь на Кавказскій Музей.

головкѣ, намѣчается жилка, шириною миллиметра въ два, болѣе свѣтлаго цвѣта, обнаруживающая строеніе камня; жилка идетъ наискосокъ къ затылку загиба. Затѣмъ на самой



Рис. 1¹⁾.

нижней части ствола, съ той стороны, куда обращена головка, и на соответственной части обрѣза, въ который былъ вставленъ клинокъ, имѣются свѣтлыя пятнышки, то рѣдкія, то болѣе густыя; но они тоже мало отличаются отъ остального камня, такъ что могутъ быть даже незамѣчены при осмотрѣ.

Общая форма предмета — стволъ, слегка изогнутый, плоскій, съ сильно закругленными краями, создающими въ сѣченіи почти овалъ; верхняя часть тоньше и уже нижней и загнута на одну сторону, образуя головку. Низъ ствола рѣзко расширяется уступомъ, который украшенъ лежащими на немъ лепестками лотоса; лепестки эти, числомъ восемь (по три съ широкихъ сторонъ и по одному съ узкихъ), имѣютъ слегка приподнятые края и охарактеризованы средними линиями, по одной на каждомъ. Отъ обрѣза съ узкихъ сторонъ ствола по направленію къ клинку свѣшиваются двѣ гладко отшлифованныхъ ягоды въ формѣ яйца, но съ слишкомъ узкимъ для яйца носкомъ. Ягоды эти прикрыты спускающимися съ выступа, поверхъ лепестковъ лотоса, двумя листиками, по одному съ каждой стороны, доходящими почти до конца ягоды. Между ягодами и листиками просверлено по дырочкѣ неправильной формы.

Въ нижнемъ обрѣзѣ имѣется гнѣздо для язычка, на обѣ стороны отъ котораго сдѣлана неглубокая выемка, служившая, вѣроятно, для лучшаго закрѣпленія клинка и для скрытія обрѣза его по сторонамъ язычка. Диаметръ устья гнѣзда около 6-7 мм., длина выемки (въ оба конца) 35 мм., при этомъ въ сторону, куда обращена головка предмета, немного меньше, чѣмъ

1) Прилагаемые снимки, сдѣланные фотографомъ Ермаковымъ, кт. сожалѣнію, не вполне соответствуютъ достоинству и сохранности предметовъ.

въ обратную; ширина выемки у середины равна диаметру устья гнѣзда. По бокамъ этой выемки вырѣзана армянская лигатурная надпись, разборъ которой будетъ приведенъ дальше.

Низъ ствола и головка украшены очень изящной рѣзбой, средняя же часть оставлена гладкой и въ высшей степени старательно отполирована. Рисунки рѣзбы одинаковъ на обѣихъ плоскихъ сторонахъ рукояти. Въ нижней части, въ серединѣ, трехлопастный листъ, отъ корня котораго расходятся два стебелька; они идутъ по низу, но, приближаясь къ узкимъ сторонамъ, немного поднимаются вверхъ; тутъ эти побѣги, идущіе другъ къ другу навстрѣчу, сходятся, и изъ ихъ соединенія вырастаетъ по однолопастному довольно длинному листику, кончающемуся двумя усиками. Изъ подъ верхней лопасти упомянутого выше тройного листа на обѣ стороны выходятъ по стебельку, сейчасъ же дающему по одному усика и кончающемуся многозернистой ягодой или кистью.

Вверху, на самомъ концѣ загиба головки, два маленькихъ трехлопастныхъ листа, сходящихся корнями на крайней точкѣ. Изъ этой точки между листьями выходятъ коротенькій стебелекъ, кончающійся опять таки многозернистой ягодой или кистью, которая непосредственно переходитъ въ длинный узкій листъ, идущій по затылку головки. Края этого листа имѣютъ около десяти зубчиковъ съ каждой стороны, а на кончикѣ его помѣщены два усика. Отъ упомянутыхъ выше трехлопастныхъ листиковъ идутъ внизъ два стебелька, отдѣляя отъ себя усики и выходя затѣмъ на плоскія стороны головки, по одному съ каждой стороны; изъ этихъ побѣговъ вырастаетъ по тройному листу, точно такому же, какъ на нижней части ствола, и съ такимъ же расположеніемъ ягодъ или кистей, какъ тамъ.

Сообразно съ общей формой упомянутыхъ выше тройныхъ листьевъ, въ нихъ, быть можетъ, нужно видѣть листья ежевики. Но противъ этого говоритъ слишкомъ большая по сравненію съ листьями величина ягодъ, ихъ форма, скорѣе напоминающая виноградную кисть (въ особенности на нижней части предмета), а также и число зернышекъ (повидному около 20) въ каждой ягодѣ или кисти. Поэтому мнѣ кажется болѣе вѣроятнымъ, что тутъ изображены листья и грозди дикаго винограда¹⁾.

Работа въ общемъ очень хорошая; особенно тщательно отдѣланы листики, въ томъ числѣ и большой на затылкѣ головки. Ягоды или кисти вы-

1) Эти кисти очень напоминаютъ грозди на серебряномъ кувшинѣ изъ Мазандерана, принадлежащемъ Британскому Музею, см. Я. П. Смирновъ. Восточное серебро. (Изданіе Императорской Археологической Комиссіи). СПб. 1909. т. I. Л. 86.

работаны менѣ старательно, недостаточно вычищены промежутки между отдѣльными дольками. Число послѣднихъ неодинаково, колеблется между 9-11. Для усиленія рельефа въ нѣкоторыхъ мѣстахъ сдѣланы зарѣзы, глубже плоскости всего предмета, такъ что по краямъ рельефныхъ линий замѣчаются небольшія борозды. Особенно блестяще сдѣлана полировка. Недоработаны листики, прикрывающіе ягоды, свѣшивающіяся на краяхъ нижняго обрѣза, особенно съ той стороны, куда обращена головка рукоятки.

Размѣры предмета: 1) длина (съ ягодами) до наивысшей точки загиба 135 мм.; то же измѣреніе, но безъ ягодъ 125 мм.; 2) ширина ствола у пяты 45 мм.¹⁾; 3) ширина шеи загиба 34 мм.; 4) толщина (почти одинаковая на всѣхъ точкахъ) въ среднемъ 23 мм.; 5) наибольшая ширина обрѣза съ листьями лотоса (по толщинѣ ствола) 36 мм.

Что касается до того, для какого именно оружія служила эта рукоятка, то несомнѣнно «эфесомъ шпаги», какъ то указано на номеркѣ, она быть не могла: во-первыхъ, этотъ родъ оружія, кажется, вовсе не извѣстенъ Востоку; во-вторыхъ, противъ подобнаго назначенія говорятъ какъ размѣры, такъ и форма и самого предмета и клинка, отразившаяся на упомянутой выше выемкѣ. Мало вѣроятно также и другое назначеніе, указанное въ инвентарѣ Музея (№ 141): «рукоятка къ саблѣ». Этого не допускаютъ размѣры гнѣзда для язычка: едвали у сабли или шашки, равно предназначенныхъ для рубки и, очевидно, довольно длинныхъ, могъ быть такой тонкій, подверженный возможности излома язычекъ, да и клинокъ, пожалуй, былъ бы немного узокъ — выемка для него имѣетъ 35 мм. Къ тому же, во всякомъ случаѣ, клинокъ былъ обоюдоострый: объ этомъ съ несомнѣнностью свидѣтельствуетъ та же выемка, широкая въ серединѣ и почти сходящая на нѣтъ на обоихъ концахъ.

Всѣ эти данныя приводятъ насъ къ заключенію, что это была рукоятъ кинжала. Къ такому же рѣшенію располагаетъ и аналогія съ другими подобными экземплярами, о которыхъ рѣчь будетъ ниже. Въ соотвѣтствіе съ формой рукоятки и въ силу той же аналогіи, мнѣ кажется, нужно предположить клинокъ несовсѣмъ прямой, а съ изгибомъ, быть можетъ — бебугъ.

Для выясненія происхожденія и времени изготовленія нашей рукоятки къ ближайшему сравненію съ ней, конечно, можно было бы привлечь вообще всѣ нефритовые эфесы, независимо отъ ихъ формы и назначенія, т. е. принадлежности къ тому или иному роду холоднаго оружія. Но едва ли въ этомъ есть настоящая необходимость, тѣмъ болѣе, что, какъ мы убѣдимся,

1) 2, 3 и 4 измѣренія произведены въ діаметрахъ.

и при сильномъ ограниченіи матеріала, подходящихъ предметовъ количественно оказывается болѣе чѣмъ достаточно и, вмѣстѣ съ тѣмъ, пока это сравненіе мало помогаетъ въ разрѣшеніи задачи.

Ограничусь упоминаніемъ лишь о рукоятяхъ одного опредѣленнаго рода, а именно съ прямымъ стволомъ-хваткой и круглымъ загибомъ на одну сторону, притомъ, разумѣется, только нефритовыхъ. Подобныхъ рукоятей мнѣ извѣстно въ натурѣ и по рисункамъ всего 26 экземпляровъ, включая сюда и два принадлежащихъ Кавказскому Музею. Всѣ онѣ принадлежатъ кинжаламъ и признаются предметами индійскаго производства. По внѣшней формѣ ихъ можно подраздѣлить на слѣдующіе четыре главныхъ типа.

1. Стволъ почти прямой, приблизительно одной ширины у клинка и у головки. Низъ, у клинка, раздвоенъ, если смотрѣть на предметъ лежащій плашмя, и имѣетъ какъ бы раструбъ, причѣмъ кривая нижняго обрѣза выходитъ за ширину рукояти и на узкихъ ея сторонахъ образуетъ завитки. По одной изъ узкихъ сторонъ, той, въ которую обращена головка, идутъ волнистые нарѣзы, обыкновенно четыре, для пальцевъ, для удобства хватки. Къ этому типу относятся, напримѣръ, экземпляръ Кавказскаго Музея № 850 (рис. 2) и Императорскаго Эрмитажа С. 434 (Э. Ленцъ. Альбомъ изобр. выдающ. предм. изъ собр. оруж. Импер. Эрмитаж. СПб. 1908, X).



Рис. 2.

2. Стволъ въ нижней части шире и толще, чѣмъ у головки; кривизна замѣтна на всемъ стволѣ; низъ—такой же, какъ у перваго типа. Нарѣзвы для пальцевъ нѣтъ. Этотъ типъ имѣетъ наибольшее число представителей, между прочимъ, превосходный экземпляръ Оружейной Палаты (Древности Госуд. Росс., III, 106) и коллекціи Bishop (Investigation and Studies in Jade. New York 1906, I, на таблицѣ послѣ стр. 206, № 769).

2а. Отличается отъ втораго типа только тѣмъ, что ширина ствола внизу и вверху приблизительно одинакова. Сюда принадлежитъ, напримѣръ, экземпляръ, присваиваемый Яну Собѣсскому (Das Grüne Gewölbe.

Lichtdruck von Römmler, № 96), а также изданный въ Journal of Indian Art II, 42.

3. Въ общемъ форма такая же, какъ во второмъ типѣ, но внизу, изъ середины раструба выходить маленькій язычекъ. Таковы экземпляры коллекціи Ротшильда¹⁾ (Racinet, Le costume historique, III, тбл. 19, №№ 9, 11, 23).

4. Все отличие отъ третьяго заключается въ томъ, что стволъ въ нижней части какъ бы туго перетянуть шнуркомъ, и раструбъ разработанъ пышиге. Я знаю только одинъ такой экземпляръ—въ коллекціи Ротшильда (Racinet, III, тбл. 20, № 3).

Совершенно особнякомъ стоитъ наша рукоятъ. Ни нарѣзовъ для хватки, ни раструба мы тутъ не имѣемъ. Стволъ гладкій, широкій, такой же, какъ во второмъ типѣ. Низъ ровно обрѣзанъ и расширяется уступомъ, искусно украшеннымъ лестками лотоса. Очевидно, въ то время, какъ устье ноженъ у всѣхъ предыдущихъ типовъ должно было вполне соответствовать рукоятки, данный эфесъ значительно превосходилъ ножны толщиной и шириной. Безспорно, устье ноженъ умѣщалось между двумя свѣшивающимися ягодками, скрывая такимъ образомъ надпись.

По техникѣ орнаментации эти рукоятки раздѣляются на слѣдующіе пять видовъ.

1. Предметъ изъ темнаго нефрита украшенъ инкрустацией свѣтлаго, или наоборотъ. Таковъ экземпляръ Императорскаго Эрмитажа С. 434 (Ленцъ, X).

2. Рукоятъ инкрустирована цвѣтными (драгоценными?) камнями. Инкрустированные кусочки всажены, обыкновенно, въ бѣлую массу, замаскированную золотой проволокой, которая въ то же время передаетъ тонкія линіи рисунка. Изъ этой, довольно многочисленной, группы укажу экземпляръ, присваиваемый Яну Собѣскому (Römmler, № 96), Оружейной Палаты (Древности, III, 106), и коллекціи Bishop (Investigation etc. l. c.²⁾.

3. Предметъ покрытъ рельефной рѣзбой, причѣмъ только характерныя

1) Эти экземпляры, а также и относимый къ четвертому типу, по указанію издателя сдѣланы изъ слоновой кости; тутъ, мнѣ кажется, какое то недоразумѣніе. По рисунку (въ краскахъ) можно съ увѣренностью сказать, что это нефритъ. Общій характеръ, тонъ, все говорить за это и противъ слоновой кости. Позволяю себѣ усумниться въ справедливости указаній Racinet, такъ какъ онъ, повидимому, отнесся къ этимъ вещамъ недостаточно внимательно (ср. ниже).

2) Сюда же, пожалуй, нужно отнести и экземпляры Ротшильда, отдѣленные, по словамъ Racinet, эмалью (sic!). Не знаю, насколько возможна техника émail cloisonné на нефритѣ или, хотя бы, на слоновой кости.

и крупныя лініи подчеркнуты инкрустаціей золота, и мѣстами всажены цвѣтные камни. Таковы экземпляры Оружейной Палаты № 6175 (Опись Моск. Оруж. Пал. тбл. 393) и Кавказскаго Музея № 850 (рис. 2).

4. Рукоять украшена тонкой рѣзбой, всѣ линіи которой заполнены металломъ. Укажу два экземпляра такой техники, оба темнаго нефрита съ серебромъ, прекрасной работы. Одинъ см. Investigation etc. II, 258, другой — Indian Art VI, 101¹⁾.

5. Единственнымъ украшеніемъ предмета служитъ простая рельефная рѣзба. Къ этому виду относятся экземпляры, изданный въ Indian Art II, 42, и наша рукоять.

Мнѣ кажется, съ извѣстными ограниченіями и оговорками возможно все-таки намѣтить хронологическую послѣдовательность этихъ категорій. Едва ли онѣ возникли всѣ разомъ и одновременно. И если ихъ ставить въ генетическую и хронологическую связь другъ съ другомъ, разумѣется, только на основаніи теоретическихъ соображеній, то, несомнѣнно, основнымъ типомъ нужно признать именно послѣдній видъ, гдѣ имѣемъ орнаментацию чистой рѣзбой. Я отнюдь этимъ не хочу сказать, что инкрустація представляетъ вообще явленіе позднее, и полагаю, что настоящее мое утвержденіе нисколько не противорѣчитъ факту существованія «моргановскихъ» книжаловъ съ великолѣпной инкрустаціей дерева по металлу, новые прекрасные экземпляры которыхъ мы теперь имѣемъ изъ послѣднихъ раскопокъ г. Лалаянца въ Новобаязетскомъ уѣздѣ. Но, во всякомъ случаѣ, трудно себѣ представить, чтобы сложная и замысловатая выкладка камнями и золотомъ въ предметахъ одного и того же рода явилась раньше простой рѣзбы, и мнѣ кажется наиболѣе вѣроятнымъ именно указанный ходъ эволюціи. Тѣмъ болѣе, что самый натуралистическій характеръ рисунка мы имѣемъ именно на этихъ, неинкрустированныхъ экземплярахъ: на нашемъ — дикій виноградъ, на другомъ упомянутомъ выше — поразительно естественно изображенныя лиліи; эта естественность особенно бросается въ глаза, если сравнить эти лиліи съ тѣми, которыя имѣются на эфесѣ Кавказскаго Музея № 850 (рис. 2). Притомъ нужно отмѣтить простоту трактовки и высоту рельефа нашей рукояти даже по сравненію съ экземпляромъ, изданнымъ въ Indian Art, II, 42. Это могло бы, пожалуй, говорить въ пользу его сравнительной древности.

1) При ссылкахъ на отдѣльные экземпляры я стараюсь указывать лишь наилучшие изданные. Къ сожалѣнію, большинство этихъ предметовъ, да и вообще частей вооруженій, издано очень мелко. Напримѣръ, и въ Описи и въ Indian Art на одну таблицу иногда помѣщены огромные трофеи.

Что касается до содержания и расположения рисунка, то оно приблизительно одинаково у всех известных мне экземпляров. Это—цвѣты и листики, одинъ разъ (на нашемъ)—ягоды. Рѣдко предметъ бываетъ весь орнаментированъ, какъ мы это имѣемъ на рукояти Кавказскаго Музея № 850; въ большинствѣ случаевъ рисунокъ группируется у двухъ пунктовъ, у основанія и на головкѣ. Кажется, рисунокъ всегда бываетъ одинаковъ на обѣихъ плоскихъ сторонахъ предмета. Въ самомъ низу обыкновенно находятся гирлянды листьевъ, пирамидально поднимающіяся по линіи раструба; изъ верхушки этой невысокой пирамиды выходитъ цвѣтокъ или группа листьевъ. На головкѣ—такая же группа или цвѣтокъ, причѣмъ стебель цвѣтка выходитъ изъ складки подъ головкой. По гребню загиба бываетъ вдоль длинный листикъ. Иногда такіе же листики, но покороче, или аналогичныя украшенія помѣщаются у основанія, на узкихъ сторонахъ рукояти.

Мнѣ кажется, ясно, почему даже самое детальное сравненіе нашей рукояти съ другими упомянутыми выше не можетъ дать никакихъ почти положительныхъ результатовъ. Что вещь—индійской работы или, по крайней мѣрѣ сдѣлана подъ самымъ сильнымъ индійскимъ влияніемъ, въ этомъ, конечно, не можетъ быть сомнѣнія. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, рукоять № 851 очень рѣзко отличается отъ другихъ нефритовыхъ эфесовъ, не говоря уже о разницѣ въ общей формѣ.

1. Это—одинъ изъ двухъ экземпляровъ, украшенныхъ только рѣзбой.
2. Рельефъ рѣзбы очень высокъ.
3. Единственный разъ въ орнаментѣ не цвѣты, а плоды; очевидно тутъ не приходится привлекать къ сравненію экземпляръ Императорскаго Эрмитажа С. 332 (Ленцъ, X), вѣроятно очень недавняго происхожденія, совершенно иной по формѣ, имѣющей на головкѣ кисть ягодъ, но не рельефныхъ, а вполне и со всехъ сторонъ показанныхъ.
4. Единственный же разъ мы тутъ имѣемъ и лепестки лотоса, что должно возвысить цѣнность предмета, особенно въ виду его индійскаго происхожденія. Расположеніе этихъ лепестковъ совершенно такое же, какъ на постаментахъ изображеній индійскихъ боговъ. Несомнѣнно въ этихъ лепесткахъ нужно видѣть прототипъ упомянутыхъ выше гирляндъ листьевъ на другихъ экземплярахъ; съ уничтоженіемъ нижняго расширенія листья эти перешли на плоскія стороны рукояти.

Но сверхъ всего этого, подобное сравненіе для насъ бесполезно и въ виду слѣдующихъ обстоятельствъ. Если я не ошибаюсь, ни одна изъ известныхъ нефритовыхъ рукоятей не имѣетъ на себѣ какого-либо знака, позволяющаго датировать предметъ, руководствуясь лишь строго объектив-

ными данными. Нѣтъ никакой возможности намѣтить хотя бы основные термины и уже сообразно съ ними опредѣлять время изготовления другихъ предметовъ. Отъ этого-то, очевидно, и происходитъ крайняя категоричность, притомъ немотивированная, датировки этихъ предметовъ, какъ будто не терпящая возраженій, но, вмѣстѣ съ тѣмъ, не подготовленная къ нимъ. Сошлюсь хотя бы на огромное изданіе Investigation etc.: дата вещи (не только рукоятей) опредѣляется однимъ словомъ, въ предѣлахъ XVI—XIX вв., для рукоятей XVII—XVIII вв.

Впрочемъ, въ этомъ же трудѣ изданъ одинъ китайскій трактатъ о нефритовомъ производствѣ.

Детально описывая процессъ обработки нефрита, его строеніе, различные сорта и сравнительную ихъ пригодность для выдѣлки предметовъ, трактатъ этотъ удѣляетъ немного вниманія и древнему жаду¹⁾. Собственно, подъ этимъ подразумѣваются куски или вещи изъ жада, которые были обычаемъ вкладывать въ ротъ мертвецамъ для задержанія (непонятно, какимъ образомъ) ртути, вспырнутой въ покойника. Въ трактатѣ описываются тѣ измѣненія, которымъ жадъ подвергается по прошествіи 500, 1000, 2000 и болѣе лѣтъ. Но, если даже предположить, что всѣ эти разсужденія имѣютъ что-нибудь общее съ истиной, а также и то, что наша рукоять до или послѣ выдѣлки побывала въ могилѣ, признаки, опредѣляющіе ту или иную древность, излагаются настолько неясно²⁾, что незнакомому реально со значеніемъ этихъ терминовъ очень трудно подвести вещь подъ одинъ изъ описываемыхъ типовъ.

Быть можетъ, болѣе опредѣленные свѣдѣнія даются въ другихъ 70 китайскихъ трактатахъ, заглавія которыхъ сообщаются въ томъ же изданіи. Но они, къ сожалѣнію, не переведены и потому мнѣ вовсе недоступны.

Рукоять № 851 имѣетъ, однако, на себѣ объективныя данныя, представляющія наиболѣе прочную гарантію правильности датировки, болѣе прочную и несомнѣнную, чѣмъ датировка по стилю и виду самаго предмета, еслибы даже послѣдняя была тутъ возможна.

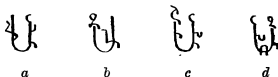


Рис. 3.

1) Investigation etc., I, 58.

2) Напримеръ, цвѣтъ «кожи соленого мяса» (salt-meat skin) или цвѣтъ «кости отъ соленого мяса» (salt-meat bone).

Я имѣю въ виду упомянутую выше армянскую надпись (рис. 3). Она состоитъ изъ четырехъ лигатурныхъ знаковъ, размѣщенныхъ по бокамъ выемки, служившей для закрѣпленія клинка, между выемкой и широкими сторонами ствола. Верхи знаковъ обращены къ выемкѣ, такъ что при чтеніи нужно предметъ перевернуть; общее расположеніе знаковъ такое¹⁾, если смотрѣть на предметъ, обращенный головкой загиба влѣво отъ зрителя: $\frac{p}{a} \frac{p}{b}$



Буквы вырѣзаны хорошо, твердо, достаточно глубоко; сохранность превосходная. Нужно только отмѣтить, что у края гнѣзда для язычка отбить маленькій кусокъ, безспорно послѣ того, какъ надпись была сдѣлана, такъ какъ изломомъ скраденъ кончикъ головки одной буквы, а именно буквы *U* въ первой вязи. Несомнѣнно это произошло при извлеченіи язычка изъ ячейки. Обращаегь на себя вниманіе не вполнѣ тщательная отдѣлка вырѣза; онъ не только не отполированъ, но въ глубинѣ его видны мѣстами слѣды рѣзца. Это обстоятельство, не мирящееся со старательностью выработки деталей всей вещи, даетъ, мнѣ кажется, основаніе предполагать, что надпись принадлежитъ не тому мастеру, который изготовлялъ рукоять; на этомъ даже можно настаивать.

Что касается до общей формы основныхъ буквъ, то онѣ нѣсколько широки для своей высоты, что, впрочемъ, можетъ быть вызвано необходимостью выиграть мѣсто внутри нихъ для помѣщенія дополнительныхъ знаковъ, образующихъ остальные буквы лигатуры. Замѣчу еще, что вся надпись имѣетъ очень симметричный и стройный видъ, такъ какъ въ основѣ всѣхъ четырехъ лигатуръ усматривается одна и та же буква *U*.

Въ первой вязи, кромѣ центрального *U* а, совершенно ясно выдѣляются *z* h (несвязанно, на первой палочкѣ буквы *U*) и *u* n (при второй палочкѣ). Такъ какъ изъ этихъ буквъ не составляется никакого армянскаго слова или имени, то приходится предполагать четвертую — *U* s, по начертанію вполнѣ совпадающую съ *U* и скрытую въ немъ. Читаемъ *zUUnU* hasan, собственное имя, hAsanъ.

Во второй лигатурѣ находятся буквы *q* d (несвязанно, надъ первой вертикальной линіей основного знака), *l* l (на второй вертикали) и *U* а, обра-

1) При обозначеніи лигатуръ буквами латинскаго алфавита руководствуюсь порядкомъ чтенія, установленнымъ полученными мною положительными результатами разбора надписи.

зуемое двумя главными палочками и хвостикомъ буквы ζ . Читаемъ $\mathcal{Z}\mathcal{U}\mathcal{U}\mathcal{Z}$ *dalal*, опять таки собственное имя или прозвище, *Джала́ль*.

Въ третьей лигатурѣ кромѣ основного \mathcal{U} а имѣемъ \mathcal{C} ш (несвязанно, надъ первой вертикалью), \mathcal{H} і (первая палочка и характеристика), \mathcal{V} ѓ (вторая палочка и характеристика) и \mathcal{V} п (головка вверху второй палочки, часть этой палочки и характеристика буквы \mathcal{V}). Читаемъ $\mathcal{H}\mathcal{C}\mathcal{V}\mathcal{U}\mathcal{V}$ *išqan* — «властитель», «князь».

Въ четвертой вязи кромѣ основного \mathcal{U} а находимъ двѣ несвязанныя буквы: \mathcal{Z} ѓ (надъ второй палочкой) и \mathcal{N} о (внизу въ серединѣ); затѣмъ при первой палочкѣ выдѣляется характеристика \mathcal{V} ѓ и тутъ же \mathcal{V} п, образованное такъ же, какъ въ третьей лигатурѣ или при помощи двухъ основныхъ палочекъ. Наконецъ, обѣ основныхъ палочки съ характеристикой \mathcal{V} даютъ букву \mathcal{V} е. Читаемъ $\mathcal{V}\mathcal{U}\mathcal{Z}\mathcal{V}\mathcal{U}\mathcal{N}$ *qadeno* — родительный падежъ отъ названія мѣстности *Хаченъ*.

Кромѣ предложенныхъ невозможно подобрать другія чтенія. Но необходимо отмѣтить неправильности или непослѣдовательности въ составленіи лигатуръ.

Въ первой лигатурѣ совершенно не выражено \mathcal{U} s, скрытое въ начертаніи \mathcal{U} a; не указано повтореніе одной и той же буквы \mathcal{U} a. Не указано необходимое повтореніе и во второй вязи, но уже для двухъ буквъ, \mathcal{U} a и \mathcal{Z} i. Въ четвертой лигатурѣ обращаютъ на себя вниманіе скачки, которые необходимо дѣлать при чтеніи: отъ первой палочки ко второй и обратно. Тутъ же имѣемъ и опущеніе одной буквы (последней), не произносимой послѣ гласнаго звука: \mathcal{C} у. Но, во-первыхъ, это явленіе обычно и для довольно древнихъ текстовъ¹⁾, а во-вторыхъ, быть можетъ, въ этомъ нѣтъ надобности усматривать специальное ореографическое уклоненіе: мнѣ кажется, вѣроятнѣе предположеніе, что рѣзчикъ или художникъ, дававшій ему рисунокъ надписи, сознательно опустил довольно сложную по начертанію и ничего не дающую для произнесенія и пониманія букву \mathcal{C} у, которая могла еще болѣе затемнить и безъ того трудную для чтенія лигатуру изъ шести буквъ.

Итакъ, въ общемъ читается: $\mathcal{Z}\mathcal{U}\mathcal{U}\mathcal{V}$ $\mathcal{Z}\mathcal{U}\mathcal{U}\mathcal{Z}$ $\mathcal{H}\mathcal{C}\mathcal{V}\mathcal{U}\mathcal{V}$ $\mathcal{V}\mathcal{U}\mathcal{Z}\mathcal{V}\mathcal{U}\mathcal{N}$ — «*h*Асанъ Джала́ль, властитель Хачена»²⁾.

1) Напримѣръ, въ изданной проф. Марромъ надписи 874 г. по Р. X. въ Верхнемъ Талынѣ (Н. Марръ, Нов. мат. по арм. энigr. Зап. Вост. Отд. VIII, стр. 99). Тамъ же дается и объясненіе этого явленія.

2) Въ виду интереса, представляемаго лигатурами, какъ таковыми, независимо отъ ихъ значенія, необходимо упомянуть о двухъ вязяхъ, каждая не менѣ какъ изъ 3-4 буквъ, на украшенной барельефами архитектурной части часовни св. Теодора (успальницы?) близъ Ереверуйской базилики (въ Эчмиадзинскомъ уѣздѣ). Барельефы эти вмѣстѣ съ пояснительной

Заокченность формъ буквъ этой надписи, очень близкихъ къ новому ихъ начертанію, могла бы, пожалуй, дать поводъ къ заподозриванію ихъ древности. Но, принимая во вниманіе малые размѣры буквъ и необыкновенную плотность и пластичность матеріала, позволявшія рѣзчику свободно вести самыя тонкія линіи, не боясь крошки и проваловъ, необходимо признать, что не слѣдуетъ искать аналогіи начертанію буквъ этихъ лигатуръ въ надписяхъ на архитектурныхъ памятникахъ: обыкновенно въ Арменіи онѣ имѣютъ матеріаломъ камень мягкій и, въ большинствѣ случаевъ, довольно рыхлый, да къ тому же бывають написаны болѣе или менѣе крупными буквами, съ непремѣннымъ условіемъ ясности, отчетливости и возможности чтенія на большомъ разстояніи. Интереснѣе для насъ рукописи, съ ихъ почти вполне однороднымъ въ своемъ составѣ и дающимъ свободу движеній перу матеріаломъ. Рукописныя же начертанія, конечно, прогрессируютъ гораздо сильнѣе и быстрѣ, чѣмъ эпиграфическія. Но даже и въ надписяхъ, притомъ хорошей древности, можно подыскать ближайшія аналогіи особенностямъ нашихъ знаковъ. Укажу, напримѣръ, на двѣ надписи, писанныя замѣчательно красивыми рельефными буквами, найденныя въ Ани въ раскопкахъ проф. Марра въ 1893 г. Оригинальная форма буквъ была уже отмѣчена при изданіи одной изъ этихъ надписей, собственно одного фрагмента¹⁾. Обѣ эти надписи проф. Марръ датируетъ XII — XIII вв., и эта дата несомнѣнна.

Въ начертаніяхъ на эфесѣ можно отмѣтить слѣдующія нѣсколько необычныя черты.

Въ первомъ знакѣ вверху первой палочки отъ нея отходитъ маленькая тоненькая черточка; такія же черточки имѣемъ вверху и внизу буквы ζ и

къ нимъ надписью Іакова, реставратора упомянутой базилики, датируются X вѣкомъ; къ этому же времени относятся и лигатуры, такъ какъ онѣ несомнѣнно принадлежатъ тому же мастеру, который рѣзалъ остальную надпись. Фотографія камня готовится Н. Я. Марромъ къ изданію. — Еще болѣе интересна для насъ лигатурная надпись на очень любопытномъ барельефѣ бытового содержанія. Надпись гласитъ: *Ամիր Հասանի որդի Պուլուջի* «Амиръ Асанъ сынъ Проша»; она тѣмъ болѣе важна для насъ, что въ ней встрѣчается то же имя, которое изображено нашей первой лигатурой. Но, къ сожалѣнію, она издана только въ раскрытомъ чтеніи (S. Dalaléan, Тапарат. і metn Науаст., II, 148; Алишанъ, Sisakan, 137), причѣмъ Алишанъ даже не оговариваетъ, что она писана вязью (*իսկազիր*). С. Джалалянцъ помѣщаетъ ее въ Башкяндѣ (Гюльванкѣ), Алишанъ — въ Спитакавор-Астовацианинѣ, что, быть можетъ, одно и то же. Ср. также Brosset, Hist. de Siounie par S. Orbélian etc., S.-Petersb., 1864/6. II, 81. Дата этой надписи устанавливается именемъ Амира Асана, изъ рода Хабакианцевъ: это извѣстный дѣятель XIII вѣка (о немъ, между прочимъ, см. ниже).

1) Марръ, Нов. мат. и т. д., Зап. Вост. Отд. VIII, стр. 74. Другая надпись (съ алтарнаго возвышенія раскопанной церкви) тоже издана, хотя случайно и некто, но довольно разборчиво (Марръ, О раскопк. и раб. въ Ани лѣтомъ 1906 г., СПб. 1907, тбл. XVII).

на второй палочкѣ второго знака. Въ первомъ анійскомъ фрагментѣ при буквахъ *U* и *z* видны такія же черточки, которыя кромѣ того усиливаются косыми срѣзами концовъ буквъ. Обращаетъ на себя вниманіе и закругленность хвостика буквы *U*, подвѣшеннаго на тоненькой ножкѣ; у буквы *U* того же фрагмента совершенно такой же хвостикъ, съ тѣмъ же утолщеніемъ книзу, даже еще болѣе рѣзко выраженнымъ.

Интересна также закругленность головки буквы *U* въ первой, третьей и четвертой лигатурахъ; начинался, если можно такъ выразиться, нажимомъ пера, линія утолщается, но при соединеніи съ основной частью опять утоньшается. Аналогична головка *U* въ надписи съ алтарнаго возвышенія, въ началѣ второй строки; хотя мы тутъ и не имѣемъ утоньшенія на конечныхъ частяхъ головки, но верхъ головки, идя полого влѣво, рѣзко закругляется и сворачиваетъ вправо, обращаясь въ растительный витокъ.

Болѣе обычный характеръ буквъ *l* и *lv* также очень напоминаетъ соответственныя буквы анійской алтарной надписи. Безъ труда можно было бы найти параллель и для *q* (вторая лигатура), въ которомъ особенное вниманіе слѣдуетъ обратить на квадратикъ въ лѣвой части ножки.

Дата и происхожденіе нашей надписи вполне опредѣляется ея содержаніемъ: хаченскій князь *hAsan* *Djalal* жилъ въ XIII вѣкѣ. Поэтому я хочу въ ближайшемъ будущемъ сопоставить кое-какія свѣдѣнія о лицѣ, имя котораго заключается въ первыхъ двухъ лигатурахъ. Нѣтъ надобности сообщать все, что извѣстно о немъ изъ историческихъ памятниковъ (я даже оставлю въ сторонѣ нѣкоторую долю имѣющагося эпиграфическаго матеріала). Достаточно выяснитъ только основные моменты жизни этого лица и обстановки, въ которой онъ вращался.

Ограничиться ссылкой на литературу или пересказомъ ея, къ сожалѣнію, невозможно: она разбросана въ десяткахъ мѣстъ у Броссе, Инджияна, Алишана, Джалаянца, Чамчянца и др., причемъ сообщаемыя свѣдѣнія, отличаясь крайней скудостью, въ то же время подчасъ прямо противорѣчатъ другъ другу.